

От сокровищ моих

Автор:

Прот. Савва Михалевич

От сокровищ моих

Прот. Савва Михалевич

Книга протоиерея Саввы Михалевича «От сокровищ моих» – современная проза о нашей порой непростой и противоречивой действительности, об окружающих нас людях, о природе и животных. В силу своего призвания священник видит и знает многое, что скрыто от других людей. Духовный сан автора позволяет узнать и изучить человека во всех его проявлениях: в возвышенных и приземленных, благородных и в низких. Его рассказы об обычных людях, о тех, кто пришел к вере и кто в пути, замечательные очерки о природе, которые автор знает и любит не оставят равнодушным читателя.

Савва Михалевич

ОТ СОКРОВИЩ МОИХ

В АЛЬПИЙСКИХ ЛУГАХ

К вечеру туман, окутавший вершины гор, сполз к их подножию и закрыл всю прекрасную панораму, открывавшуюся из окон нашего отеля: поросшие буком склоны и бегущую по камням прозрачную речку Сутьеску, сыгравшую, как и многие подобные ей бурные балканские горные реки роковую роль для немцев во время 2 мировой войны. Под грохот ее Водопадов югославские партизаны беспрепятственно продвигались вплотную к вражеским позициям и громили противника в упор. К концу войны берега Сутьески были усеяны костями, как

вражескими, так и партизанскими. Об этом рассказывает моя тетушка Соня, участница событий. Именно ей пришлось вместе с другими молодыми медсестрами собирать и погребать эти останки. На минуту ее оживленное доброе лицо затуманивается, но тут же принимает прежнее выражение: она с улыбкой следит за моими сборами. Завтра с утра мы идем в горы за насекомыми. Тетушка моя энтомолог и ведет многолетние наблюдения за энтомофауной горного массива с неудобнопроизносимым для русского человека названием Тьентиште, в сердце Боснии. Я набиваю свой рюкзак различными необходимыми предметами: сачками, банками-морилками для насекомых, тетрадями для записей, коробочками для будущей добычи, посудой и едой, ведь обедать мы будем где-нибудь высоко наверху, и проч. Беспокоит лишь туман- вдруг он завтра не разойдется? Однако мои опасения напрасны. Утро ясное и солнечное. Косматые облака медленно, словно против воли, ползут наверх к вершинам гор, открывая взору буковые заросли и выше по склону темно-лиловые пихтачи. За завтраком я рассматриваю приехавшего вчера в отель охотника. Он одет в красивый зеленый костюм с бахромой, как у голливудских трапперов. На ногах гозерицы – специальные горные ботинки на толстой подошве. Тирольская шляпа с пером лежит подле него на столе, а руки торопливо орудуют ножом и вилкой. Видно охотнику невтерпеж, как и мне – хочется вырваться на волю в горы. Вот он покончил с едой, спешит в свой номер и через минуту выходит на улицу к машине, неся удобный кожаный футляр с ружьем. Вокруг него радостно скачет красавец пойнтер, радостно помахивая своим прутом. Я вижу в окно, как хозяин с собакой усаживаются, наконец в свой «мерседес» и уезжают. Почему-то вспоминается знакомый дед Федор, там, в России, в драной ушанке, телогрейке и заплатанных валенках, с «тулкой» за плечами. В сопровождении лохматой черной лайки Жучка он ходит промышлять белку. Я пытаюсь представить деда Федора в тирольской шапочке и гозерицах и нахожу подобное сочетание совершенно невозможным. Единственно, что связывает два эти персонажа – охотничья страсть. В охотничью пору дед тоже забывает о еде и питье.

Нам подают вкусный горячий завтрак. Вещи уже собраны и мы после трапезы немедленно выступаем. Сначала надо пройти по шоссе пару километров, затем повернуть и лезть наверх. Шоссе проложено вдоль Сутьески, повторяя все изгибы реки. Прозрачная вода бежит с шумом, переворачивая камни. Машин почти не встречается. Время от времени попадаются верховые- местные крестьяне. По обычаю они обязательно здороваются даже с незнакомыми. Маленькие боснийские горные лошадки бойко стучат копытами по асфальту. Тяжелые громоздкие седла на деревянной основе закрывают пол спины животных. Из-под седла выглядывает пестрый красочный ковер, служащий чепраком. Крестьяне, как правило, одеты в национальную одежду: баранью

шапку, кожаную безрукавку и штаны с мотней. Женщины в шароварах, если это мусульманки или в длинных платьях, если сербки.

Мы проходим мимо длинного каменного дома, покрытого дранкой. Дом в полном порядке, все цело. Рядом выстроены сарай и хлев. Все окна со стеклами, но никто здесь не живет. Двор зарос травой, яблони раскинули ветви, отягощенные плодами, но никто их не собирает. Почему-то мне становится жутко, я перевожу взгляд под ноги и вдруг замечаю оброненную кем-то спелую сливу и вцепившихся в нее трех жуков с устрашающими челюстями. Подаю находку тетушке. Она кивает головой и называет жуков по латыни. Многих русских названий насекомых она не знает, т. к. училась в Сараево, да возможно их нет вовсе, а только латинские. Один жук до того вгрызся в сливу, что снаружи остался лишь кончик брюшка. Первая добыча!

Сворачиваем и начинаем подъем. Нас обступает сырой и мрачноватый буковый лес. Рубки здесь запрещены, поэтому старые деревья полностью одряхлев, падают сами и постепенно гниют, давая жизнь различным грибам, лишайникам и прочим паразитам. На одном таком стволе замечаю довольно редкого жука дровосека *Rozalia alpina* с серыми в полоску крыльями и длинными усами. Дровосек- наша вторая добыча. Над небольшой лужайкой кружатся бабочки с прозрачными крыльями. «Аполлоны?» – спрашиваю тетушку. «Нет, *Parnasius mnemozine*. Они родственны аполлонам и похожи на них, только аполлоны крупнее и красивее» – отвечает она, и тут немного в стороне я замечаю настоящего аполлона с красными глазками на таких же прозрачных крыльях. Хватаю сачок и опрометью несусь за бабочками. Удача улыбается мне: и аполлон и его «родственник» присоединяются к коллекции. Вдруг тетя Соня останавливается и начинает пристально вглядываться в густой кустарник перед нами. Слежу за ее взглядом и замечаю среди листвы какое-то движение. Не сразу соображаю, что это шевелится ухо косули, неподвижно замершей в 20 шагах от нас и частично скрытой зелеными ветвями. Секунда и зверь исчезает, только треск сучьев раздается выше по склону.

За буковым лесом начинается зона хвойных деревьев. Высокие и пушистые пихты наполняют воздух благоуханием смолы. Теперь аромат хвои всегда напоминает мне счастливые дни детства и наши с тетушкой походы. Недовольный нашим появлением канюк поднимается над деревьями с резкими криками.

Выше пихт идет зона альпийских лугов. Собственно, эти луга конечная цель нашего похода, потому что здесь насекомых больше всего. Изумрудная трава по пояс, море света, волна ароматов, сказочная палитра цветов, стрекотание, жужжание бесчисленных членистоногих. Больше всего кузнечиков. Они все разные: крупные зеленые с мощными челюстями и длинными крыльями, более мелкие пестрые зелено-бело-красные с вздутиями на концах передних лапок, словно боксерские перчатки надели, их так и зовут «боксеры», громадные толстые увальни, практически бескрылые, издающие редкое и тихое стрекотание, напоминающее звук ходиков, и множество иных.

Вот тут я задал тетушке работу! Носился по лугу и размахивал сачком. Скоро все морилки, все пакетики и коробочки заполнились добычей. Тетя стремительно строчила в свой блокнот, еле успевая отвечать на мои вопросы: «А это кто? А это? «Потом мы закусывали на берегу прозрачного ледяного ручья, в воды которого в поисках добычи то и дело ныряли бесстрашные оляпки. Как замечательно развести густой апельсиновый сироп студеной родниковой водой! Так бы и пил без конца! Тетя обрабатывает свои находки, а я лежу и смотрю на облака, которые медленно подтягиваются к скалистым горным вершинам, бросая тень на редкие пятна снега, уцелевшего под летними солнечными лучами и на пару беркутов, лениво парящих над ущельем. Благодать в природе, благодать в душе. Хорошо! Где вы безмятежные радостные дни моего счастливого детства!

1997 г.

МОИ ЗНАКОМЦЫ И ПИТОМЦЫ

Как и многие дети, я с детства мечтал о собаке. И как многим и многим неудачливым любителям живности, близкие не шли навстречу моим пожеланиям, по крайней мере до поры до времени. Мы жили в коммунальной квартире, где кроме нас ютилось ещё две семьи и содержание домашнего питомца вызывало большие трудности. Всё же, моё желание исполнилось, когда я достиг 12-летнего возраста и смог самостоятельно заботиться о подопечном, но до этого пришлось довольствоваться содержанием всяких мелких зверьков и, конечно, птиц.

Первую живность я завёл в пятилетнем возрасте. В то лето мы гостили у маминой подруги тёти Оли в Ташкенте. Её муж дядя Гриша принёс мне в ящичке птичку, которую поймал возле своего гаража. Это был птенец скворца, оказавшийся очень прожорливым. Он лопал всё, что ему давали: мочёный хлеб, творог, виноград. Около меня не оказалось сведущего в орнитологии человека и вскоре стало понятно, что с птичьим рационом не всё в порядке, потому что у птенца под хвостом сильно грязнились перья – явный признак неправильного пищеварения. Я был слишком мал, чтобы обратить на это внимание, а взрослые совершенно неопытны в сложном деле содержания птиц. Когда пришло время отъезда, скворчонок отправился с нами в Москву в новом чистом ящичке. При проверке билетов перед отправлением поезда Ташкент – Москва контролёр-узбек оштрафовал мою маму за безбилетный проезд «животного», милостиво не задержав внимания на нашей соседке-узбечке, не купившей билет для своей восьмилетней дочери.

Птичка неважно перенесла трёхдневное путешествие – сидела на дне ящичка нахохлившись и отказываясь от еды. По приезде в Москву мы остановились у родственницы. Тётя Инна в отличие от нас имела опыт содержания животных в неволе и нездоровый вид птенца бросился ей в глаза. Она посоветовала пока оставить птицу у неё для консультации с со специалистами. Когда через месяц мы снова приехали к тетушке, меня ждал сюрприз: вместо грубо сколоченного ящичка на подоконнике стояла изящная металлическая клетка с выдвижным дном, лакированными жердочками и фарфоровыми кормушкой и поилкой, а в ней, весело щебеча, прыгала совсем другая птица, маленькая и пёстрая. «Видишь ли» – начала тётя Инна» твой птенец был очень болен. На нём налипло множество перьев и всякой грязи. Пришлось его хорошенько почистить. В результате он стал меньших размеров, но зато теперь он чистенький и маленький! Это оказывается, был вовсе не скворец, а щегол.» Я был совсем мал и поверил в эту фантастическую историю. На самом деле мой питомец (как я узнал много лет спустя) окошел сразу по прибытии в Москву. Тётушка была в панике. Побежала в зоомагазин, но там не было никого похожего на моего птенца и ей пришлось купить совершенно другую птицу, чтобы избежать моих слёз. Тут она сделала правильный выбор, потому что щегол прост в содержании, весел, красив, всё время поёт и идеально подходит для начинающего любителя.

Были у меня две черепахи. Правильно содержать это пресмыкающееся вовсе не так просто, как кажется многим. Кто-то из известных зоологов утверждал, что большинство черепах у некомпетентных любителей просто медленно умирают. Моих черепашек кто-то принёс в детский сад, где работала моя мама. Ухаживать

за ними было некому и мама принесла их мне. Одна из черепах была слепой и скоро околела к величайшему моему огорчению. Зато другая прожила лет 5 у нас дома, пока не появилась возможность выпустить её на волю в подходящей местности. В то время у меня уже была собака. Она проявляла интерес к черепахе: играла с ней: теребила лапой, таскала в пасти. Как ни странно, пресмыкающееся собаки не опасалось. Правда, мы следили, чтобы пёс в своих играх не заходил слишком далеко – не пытался переворачивать её вверх ногами или прокусить панцирь, но часто смотришь, бывало: Дружок тащит в зубах черепаху, а она лапы не вытягивает, видно доверяет ему. Или: ложится пёс вздремнуть, черепаха подползает, вытягивает шейку и кладёт голову на тёплое собачье брюшко. Черепашка обожала молоко и свежие одуванчики.

Репутация юного натуралиста привела к тому, что соседи и знакомые стали тащить мне всякую живность. В результате я попеременно был счастливым обладателем то ёжика, то сороки, то грача, то дрозда-рябинника, а на окне у меня стояли банки, в которых развивалась лягушачья икра, плавали тритоны, сидели гусеницы разных видов и в разной стадии развития: одни пожирали листья деревьев и кустарников, которые я им усердно поставлял, другие окукливались, готовясь превратиться в красавиц-бабочек. Держал я и прожорливых хищниц – личинок жука-плавунца. Этим, бывало, только добычу подавай, замешкаешься – друг на друга охотиться начинают. Один взрослый плавунец прожил в банке два года. К сожалению, далеко не все питомцы выживали. Создать диким животным нормальные условия в неволе очень и очень непростая задача, требующая знаний и средств, а порою, самого настоящего самоотвержения. Я это довольно скоро понял и брал на себя заботу лишь о таких питомцах, которые нетребовательны в содержании, не создают слишком больших неудобств домашним или об инвалидах, которые в естественных условиях непременно бы погибли. В тех случаях, когда имелась полная уверенность в способности животного выжить на воле, я выпускал его. И всё же, приходилось идти на разного рода жертвы и ухищрения. Так, например, наша соседка по коммуналке закатила мне скандал из-за того, что обнаружила в коридоре собачью шерсть (на прогулку мне приходилось выводить пса мимо её двери) и с криком требовала убрать собаку из квартиры: «Развели тут кобелей!» Пришлось трижды в день выносить моего довольно увесистого пёсика на руках, чтобы никаких следов в коридоре не оставалось. Спускал его на пол я только в подъезде. Ни разу я не позволил себе понежиться лишний часок в постельке, когда знал, что мой хвостатый друг нуждается в прогулке. Вообще, это особая тема – общение с домашними животными: лошадьми, кошками, собаками. О них я уже написал несколько рассказов. Здесь же мне хочется вспомнить о питомцах пернатых. Среди многих и многих представителей пернатого племени мне

больше всего запомнились двое: ворон Чёрный и японская амадина Стёпочка.

Ворон принадлежал не мне, а моему родственнику орнитологу новосибирцу Алёше, в доме которого я как-то прожил целое лето и вдоволь пообщался с этой занятой птицей. Воронёнка подобрали во время экспедиции на юге Западной Сибири. Алёша с родителями жил в знаменитом новосибирском Академгородке. Семья занимала половину двухэтажного коттеджа с примыкавшим участком соток в шесть. В садике, в обрамлении смородиновых кустов, стояла довольно большая вольера, забранная сеткой-рабицей. Оттуда раздался торжествующий вопль «к-аа, ка-а!», как только хлопнула калитка и, волоча свой чемодан, я вступил на асфальтовую дорожку, ведущую к коттеджу. Это Чёрный приветствовал меня. Он обожал общество и не любил долго оставаться в одиночестве. Как только кто-нибудь появлялся в саду, воронёнок требовал внимания и добивался его с помощью пронзительных криков, сильно беспокоивших соседей – генерала с семьёй. Поэтому приходилось держать горластого постояльца ночью в подвале, а в сад выносить не раньше 9 часов утра, когда все уже проснулись и птичьи вопли не могли никого разбудить. Мы подошли к вольере и Алёша открыл дверцу. Воронёнок сейчас же взлетел ему на плечо и, хлопая крыльями, снова прокричал своё «каа-а». Он выглядел совсем взрослой птицей, только крылья были чуть коротковаты, а хвост был ещё слишком куц для полноценного ворона. Алёша почесал пальцем шейку своего питомца. Чёрный втянул голову промеж крыльев, закудахтал вкрадчивым тоном и прикрыл голубоватый глаз с видом гурмана, смакующего особенно желанный кусочек. Я тоже протянул руку и почесал упругую спинку, покрытую чёрным блестящим пером. Воронёнок на секунду приоткрыл глаз и тихо воркнул что-то дружелюбное. Так состоялось наше знакомство.

Никогда я не встречал столь общительной птицы. Сидя в вольере Чёрный зорко следил за дверью коттеджа и калиткой на улицу. Стоило появиться любому человеку, как раздавался приветственный крик. «Лучше иной собаки» – говаривала тётя Надя – Алёшина мама, «я всегда знаю, что кто-то пришёл, благодаря Чёрному». Так как дом постоянно посещали многочисленные друзья и знакомые Алёши и его сестры Лены, калитка хлопала беспрестанно и вопли слышались регулярно. Завсегдатаи вместо того, чтобы в первую очередь поздороваться с хозяевами, спешили к клетке приласкать воронёнка. Птенец воспринимал визиты как должное и очень обижался, если его игнорировали. Тогда он начинал возмущаться и издавать такие резкие крики, что непривычный человек спешил заткнуть уши. Если вы приближались к вольере с лакомым кусочком в руке, Чёрный исполнял радостный танец, подпрыгивая и взлетая к потолку вольеры, а затем бочком, прыжками приближался к сетке и выхватывал

приношение. Особенно любил мясо. Глотая, он издавал утробно-воркующие звуки и так торопился, что я каждый раз боялся, что он подавится и задохнётся. При всей расположенности к людям Чёрный не любил фамильярности и особенно не терпел, чтобы его брали в руки. А это приходилось делать дважды в день – утром и вечером, при переселении в подвал и обратно. В первый же раз я был наказан. Ворон своим кремнеподобным клювом несколько раз ущипнул меня до крови. Алёша не успел предупредить меня, что надо пользоваться кожаными грубыми перчатками, пробить которые строптивая птица не в состоянии. Вне этих щекотливых моментов ворон был само дружелюбие. Ел он всё: мясо, хлеб, каши, овощи, червей, фрукты, творог, насекомых. Всеядность врановых значительно облегчает их содержание в неволе. Несмотря на юный возраст, воронёнок проявлял и хищнические инстинкты. В Академгородке много искусственно насаженных сосен. Сосны окружают коттеджи, сосновые посадки подступают к городку со всех сторон. Сосновые шишки привлекают многочисленных белок. Зверьки полуручные – людей совсем не боятся, берут из рук лакомство, забегают в дома. Довольно часто белки появлялись и в Алёшином саду. Каждый раз ворон пытался схватить непрошеную гостью и с громким клёкотом кидался на сетку при виде скачущей рыжей проказницы.

К концу августа Чёрный превратился в взрослую птицу и стал учиться летать. Первые опыты ограничивались садовым участком хозяев и были мало удачны, но настал день, когда воронёнок перелетел через забор, сделал круг над домом и скрылся из глаз. Все забеспокоились, потому что на большие расстояния птенец ещё не летал и неизвестно, сможет ли он найти свой дом. Через несколько минут Чёрный показался над соседним участком и приземлился у соседских дверей просто потому, что дотянуть до собственных не хватило сил. В этот момент соседи (молодая пара) вышли на улицу. При виде большой чёрной взъерошенной птицы, сидевшей на крыльце с раскрытым клювом (неумелый летун запыхался), женщина завизжала и отпрянула назад в дом. Храбрый супруг, вышедший было на крыльцо, сделал два шага назад и скрылся за дверь. Оставив поле боя за собой, воронёнок вознамерился тут же и отдохнуть. На наши призывы он не реагировал и Алёше пришлось идти на соседний участок и переносить ворона вручную. Птенец настолько утомился, что даже не протестовал. После этого дела пошли намного лучше. Чёрный стал улетать на большие расстояния, возвращаться домой всё позже и позже и, наконец, уже после моего отъезда, улетел совсем.

Птенца японской амадины подарил моему сыну его одноклассник. Этот вид выведен в неволе и в природе не встречается. Очень невзрачная и скромно окрашенная коричневая птичка по размеру меньше воробья, но какой же ручной

и приятной в общении она оказалась! Мой маленький сын почти не выпускал птенца из рук, называл Стёпочкой и очень ему радовался. В результате амадина стала самой ручной и милой птицей, какую я когда-либо встречал. Стёпочка совершенно не боялся человеческих рук: сидя на ладони, доверчиво вытягивал шейку, чтобы её почесали. При поглаживании замирал и прикрывал глазки, всем видом показывая неземное блаженство. Охотно клевал просо с ладони. Садился мне на плечо или на голову и так путешествовал из комнаты в комнату. В клетке Стёпочка проводил мало времени. Мы всё время выпускали его полетать по комнате. В то время у меня жили зебровые амадины и неразлучник Гоша. Кстати, этот жёлтый красавец сам залетел на наш балкон, видно удрал от кого-то. Ясным солнечным днём я выставил все клетки с птицами наружу. Вдруг, смотрю, на одной из них сидит жёлтый попугай. Видно, его привлёк мой «птичник». Я тихонечко выбрался на балкон и, зная, что большинство попугаев называют Гошами, стал его подманывать. При звуках моего голоса неразлучник востепенулся и сел на мою руку, откуда я переправил его в клетку.

Для Стёпочки не было пары, поэтому некоторое время ему пришлось делить клетку с другим «холостяком» – самцом зебровой амадины. Не имея более подходящего объекта, Стёпочка стал ухаживать за соседом: пел ему песенки, танцевал, кланялся, приносил веточку, предлагая свить гнездо, но конечно был отвергнут. Возможно, будь у него подруга, он не был бы таким ручным. А то, стоило мне улечься с книгой на диване, Стёпочка тут как тут. Сядет мне на грудь или на живот, споёт песенку, приласкается, да и задремлет. Подойдёт пора ложиться спать, жена или сын осторожно заберут его рукой и отнесут в клеточку, а он даже не трепыхнётся – такое доверие. Не знаю, может ли другая столь же малая птица настолько привыкнуть к человеку? Ведь, когда говорят о самых ручных, имеют в виду интеллектуалов птичьего племени – попугаев или врановых, которые, как считают некоторые зоологи, по умственному развитию приближаются к собакам и лошадям.

Постоянное общение с животными даёт мне неисчерпаемый материал для наблюдений и размышлений. К тому же, с ними отдыхаешь душой. И мы можем многому у них научиться, потому что «Всякое дыхание да хвалит Господа» (Пс. 150, 6), то есть животные своим существованием прославляют Творца – делают то, что многие люди делать разучились и забыли.

ЗАБЛУДИЛСЯ

В одной из своих книг Э. Сетон-Томпсон пишет, что тот, кто хоть раз не заблудился в лесу, никогда не отходил от маминой юбки. Со мной тоже однажды случилась такая неприятность и как раз, когда меня оторвали от маминой юбки – забрали в армию. Дело было в архангельской тайге. Мы жили в лесной командировке – достраивали некий военный объект. Работой нас особенно не мучили. Надзирал за нами молоденький лейтенант, норовивший при всяком удобном случае удрать в город. Никаких развлечений, кроме телевизора и запоздалых газет у солдат не было. Казарма отапливалась плохо из-за неисправности котельной и по ночам мы спали одетыми. Иногда нас по 2–3 недели не водили в баню. Товарищи мои изнывали от скуки и в свободное время или строчили письма домой и всяким «заочницам» или напивались, если появлялись деньги. Я же нашел себе занятие: изучал окрестные уголья – наблюдал за лесными обитателями и даже делал кое-какие записи. Чаще всего я встречал, разумеется, разнообразных птиц: уток, гусей, чаек, крачек, кроншнепов, зуйков и массу мелких воробьиных. Иногда находил гнезда и, укрывшись, наблюдал, как самоотверженные родители без конца сновали целый Божий день, чтобы насытить своих чад. Однажды на просеке обнаружил следы медведицы с медвежонком, четко отпечатавшиеся на мягкой земле, но самих зверей так и не увидел. К концу лета поспевали ягоды: черника, голубика, брусника, морошка, а попозже клюква. Ягод было столько, что идя по лесу приходилось невольно их давить – просто свободного места от них не было. После многократных вылазок я вообразил, что хорошо знаю окрестности и однажды в свободный день (воскресенье) до завтрака задумал совершить поход подальше, чем обычно, вглубь леса. Когда я уходил, все еще спали, но накануне я кое-кого предупредил, что прогуляюсь с раннего утра. Двинулся на северо-восток от нашей казармы. В этом направлении тайга простиралась на десятки километров и, судя по карте, висевшей в ленинской комнате, никаких селений в ней не было.

Мягкий мох приятно пружинил под грубыми кирзовыми сапогами. Печальное безмолвие, столь характерное для северных лесов, окутало меня, вызывая приятное чувство раскованности и свободы. Я тяготился коллективом, постоянным присутствием чужих глаз и невозможностью уединиться, что необходимо для душевного комфорта. Здесь среди густого ельника никто меня не видел и не слышал. Тишина лишь изредка нарушалась пискom какой-нибудь птичьей мелюзги, да ветер шелестел кронами деревьев. Примерно через час хода я забрался в места, где прежде не бывал. Впрочем, здесь все было такое же: высокие ели, болото и мох под ногами. Я двигался в прежнем направлении и так шел еще час. Один раз вспугнул какую-то крупную птицу. Она с треском

поднялась шагов за 30 впереди. Густые елки помешали ее разглядеть, но по некоторым признакам я предположил, что это была тетерка. Больше ничего интересного не встретилось и я решил, что пора возвращаться и повернул назад. Следов за мной не оставалось, так как упругий мох сразу выпрямлялся. Однако я уверенно пошел, как мне казалось, в нужном направлении. Шел долго. Часов у меня не было, но по моим расчетам давно уже должна была показаться наша казарма. Вместо этого, все тот же частый ельник. Подумав немного, я решил, что взял слишком влево и повернул направо, но и это направление оказалось ложным и я стал понимать, что заблудился, особенно, когда обнаружил собственные следы в грязи у небольшой лужи, которую миновал совсем недавно – я сделал круг, как это свойственно заплутавшему человеку. Не скажу, что б это открытие сильно меня обрадовало, но пока еще страха не было. Я сел на пенек и стал вспоминать, что делают в подобных случаях. День пасмурный. Солнце скрылось за сплошными тучами и оно мне не помощник. Вспоминаю, что направление можно определить по мху на деревьях, но как назло все ближайшие деревья поросли лишайником и мхом равномерно со всех сторон. Еще я вспомнил, что вершины большинства деревьев слегка наклонены к югу. Но на данном участке леса это правило почему-то не соблюдалось: вершины склонялись кто-куда. Другие способы определения стран света я что-то вспомнить не смог и пошел наудачу, куда глаза глядят.

Я ушел налегке, не взяв с собой даже куска хлеба, без спичек в кармане, т. к. никогда не курил. Ребята меня хватятся не скоро, поскольку привыкли к моим долгим отлучкам. Ягоды и грибы еще не успели, а за время прогулки проснулся мой и без того не слабый солдатский аппетит. Неприятное чувство страха поползло откуда-то из недр живота к груди. Захотелось бежать и искать выхода вон за тем деревом, а если не там, вон за тем кустом. Не без труда подавив накатывающую панику, я вновь остановился, чтобы собраться с духом и поразмышлять. Очевидно: нестись сломя голову, куда глаза глядят бесполезно и глупо, только зря утомлюсь. Надо как-то сориентироваться. И тут я вспомнил одну штуку. В книжках о путешествиях и приключениях пишут, что нужно искать текущую воду. Любой маленький ручей всегда впадает в какую-нибудь речку, а речка – в большую реку. А уж по большой реке всегда можно сориентироваться на местности, да и по берегам всегда есть селения. Северная Двина протекает в 3 км к югу от нашей казармы. Мне надо искать ручей! Я находился посреди обширного болота, где деревья росли не так густо. На одну высокую ель я забрался, ободрав ладони и испачкав смолой всю одежду. Ничего, кроме качающихся еловых вершин вокруг я не увидел. Лес казался безбрежным океаном – кроме деревьев ничего. Оставалось положиться на слух. Покружив немного, я услышал слабое журчанье воды – крошечный ручеек вытекал из

болота. Я пошел по его течению и вскоре обнаружил другой ручей, более широкий и бурный. Не буду описывать всю эпопею, но в конце концов моя новая тактика увенчалась успехом. Около 19 часов я очутился на шоссе, проложенному по берегу Двины, усталый и измученный вконец маршем по пересеченной местности и душевными волнениями. Сначала на дороге никого не было, затем показался одинокий «Уазик» и, надо же, в нем сидел морской офицер. Мне, как всегда «везло». «Кто вы, товарищ солдат и почему вне расположения своей части?» Я уже раскрыл рот, чтобы соврать, но ничего путного на ум не приходило и я сказал моряку всю правду. «Садитесь в машину.» Вот это мне уже не понравилось, т. к. я вообразил, что он хочет отвезти меня в архангельскую комендатуру. Однако машина километров через 5 повернула у развилки и доставила меня к дверям нашей казармы. Моряк высадил меня с пожеланием больше не плутать по лесам. Ребята уже беспокоились и собирались на поиски. Съев сохраненную для меня обеденную пайку, я завалился спать и проспал до утреннего подъема.

Этот случай, далекий от настоящего приключения, все же кое-чему меня научил и навсегда избавил от самонадеянности. Даже в не слишком дальние походы без спичек, ножа и компаса я уже не хожу.

КАК Я НЕ УБИЛА МЕДВЕДЯ

Я росла в необычной семье, где все были просто одержимы охотой. Мой дед по отцу был лесничим в Беловежской пуще, неоднократно участвовал в императорских охотах, слыл превосходным следопытом, прекрасным стрелком и знатоком собак. Все его дети, в том числе и дочери – мои тетки, были страстными охотниками. В этом же духе воспитывал нас отец. Все мы: старший брат, две мои сестры и я, начали сопровождать отца на охотах в очень раннем возрасте. В 8 лет я в первый раз выстрелила из легкого ружья – двадцатки. В 15 лет на моем счету было немало добытой дичи: куропатки, тетерева, глухарь, утки, зайцы. Ее в те далекие годы (начало 20-х) было еще множество. На вальдшнепов, например, охотились в подмосковном Тушино. Отец учил нас не только стрелять. Всеми способами он старался закалить своих детей духовно и физически. Мы то и дело совершали изнурительные марш-броски по лесам и полям с рюкзаком и ружьем за плечами, ездили верхом, учились управлять лодкой, занимались гимнастикой, плаванием. Бывало, сидим на даче вечером и пьем чай. Вдруг папа «неожиданно» вспоминает, что «забыл» убрать весла из

лодки: «Ну-ка, Веруша, сходи принеси их». И идешь довольно далеко – через весь сад по темноте к берегу реки и вынимаешь злополучные весла. Ветер шевелит листвой, а тебе кажется: кто-то подкрадывается сзади. Не знаю, как у кого, но в нашей семье такие педагогические приемы себя оправдали. Мы действительно оказались подготовлены к тем невзгодам, что встретились на пути у каждого из нас.

К 17 годам в моем «послужном списке» уже числились волк и рысь, не говоря о глухарях, рябчиках, гусях, лисах. Я страстно желала сходить на медведя, но отец и слышать об этом не хотел. Он считал, что такая охота все-таки не для женщин.

Однажды папа вернулся с работы (он был крупным инженером) радостно-возбужденный и сообщил, что знакомые егеря под Тверью обложили медведя. Он собрался ехать со своими обычными друзьями-компаньонами... Новичком в компании был напросившийся сотрудник папиного предприятия – типичный интеллигент, щуплый, в очках, уверявший однако, что на его счету пара подстрелянных мишек. Я стала горячо просить взять меня с собой. Отец бы вероятно снова отказал, если б не заступничество дяди Жени – папиного друга и моего крестного. Он настоял, чтобы меня взяли на облаву. Однако отец поставил жесткое условие: я не должна стрелять, даже если медведь выйдет на мой номер. Делать нечего – я согласилась. Винтовку на всякий случай мне все-таки дали.

Разумеется, я попала на такое место, где выхода зверя ожидать было почти бесполезно. Ближайшим моим соседом оказался Пал Палыч – очкарик – «истребитель» медведей. Я не особенно огорчилась отцовскими запретами, надеясь, что послушание и дисциплина сыграют роль на будущее. У меня все еще впереди. А пока я наслаждалась обстановкой – пейзажем, запахом леса и прислушивалась к крикам загонщиков. Обычно думают, что медведь идет не спеша, ломая хворост и с треском загибая ветки, но Мой топтыгин появился почти бесшумно. Какие-то звуки послышались с соседнего номера – «истребителя», но что там произошло, мне не было видно. Через секунду зверь возник передо мной. Я видела его какое-то мгновение, подняла было ружье, но вспомнила о данном слове и опустила. Медведь тут же исчез. Я подумала, что надо быть незаурядным стрелком, чтобы выцелить даже такую крупную мишень в столь сжатый отрезок времени. Слева грохнул выстрел, затем еще один и еще. «Эге-ге! Доше-е-л!» – закричал сосед слева. Очевидно он добыл зверя. Вскоре показались загонщики и я смогла покинуть номер. Медведь оказался самцом, не

очень крупным, но весьма упитанным. Он вышел сначала на Пал Палыча, но этот храбрец, бросив ружье на землю, с обезьяньей ловкостью забрался на ближайшую разлапистую ель в два обхвата толщиной и в этом неудобном положении его застали загонщики. Впоследствии бедному горе-охотнику пришлось перейти на другую работу, чтобы спастись от насмешек. А мне отец сказал: «Как это ты, дочка, не стреляла?» «Но я же слово дала!» «Что слово! Тоже мне охотница! Да я бы на твоём месте не выдержал – пальнул мишку».

АНДРОПОВЩИНА

Пожилой протоиерей отец Александр Матусевич с утра почувствовал себя плохо, вероятно вследствие двух ранее перенесённых инфарктов. «Хорошо, что не моя очередь служить» – подумалось ему, – «а то пришлось бы искать замену, а это всегда проблематично». Но в церковь идти надо, потому что он сегодня совершителем треб при другом служащем священнике. И отец Александр, приняв глицерин, вышел из дому. У него кружилась голова и сосало в желудке. Напрасно он принял лекарство натошак. Сегодня как раз можно было позавтракать, но никакого аппетита нет и в рот ничего не лезет. На дворе ему стало легче от свежего воздуха. Стояла ранняя весна и всюду ещё виднелись сугробы, но на старых липах за садом священника уже галдели грачи, а солнце светило не по-зимнему ярко. Священник раскрыл ворота, выгнал машину из гаража, затем снова ворота закрыл. Двигался он медленно и неторопливо. Ему мешала навалившаяся усталость, как будто он трудился целый день, а ведь только раннее утро и предстоит много дел. Удастся ли справиться с недомоганием и выполнить всё, чего от него ждут? В ранний час движение на улицах ещё не начиналось, и он доехал до храма быстро, минут за десять. Перед входом в церковь на паперти толпились нищие. Отец Александр бросил на них привычный взгляд, ещё не вылезая из машины. Это были всё те же люди, лица которых примелькались за последние несколько лет: цыганка Настя в грязном цветастом платье и платке, завязанном на затылке, дурачок Миша с маленькой головой на тощей шее и косыми глазами, карлица Маша в аккуратном детском костюмчике, странно контрастирующим с её старым морщинистым личиком. Все они хорошо знали батюшку и здоровались с ним. Иногда он подавал им мелочь или что-нибудь с канона: яблоко, батон и т. п. Однако сегодня на паперти находилась и Степанида – весьма скандальная и агрессивная старуха, пьяница и матерщинница. Любимым её занятием являлось «обличение» духовенства. Из всего причта Степанида почему-то особенно цеплялась к отцу Александру, хотя

он ничего плохого ей не сделал и кротко переносил её «бенефисы». Молодой иерей Роман, сослуживец отца Александра, уверял, что пьянство и скандализм Степаниды наигранны, за ними стоит нечто большее, чем обычная сварливость злой бабы и намекал, что ею РУКОВОДЯТ и в последнее время пожилой священник стал внутренне соглашаться с такими выводами, поскольку активность Степаниды резко возросла. Вот и сейчас он испытал неприятное чувство, проходя мимо неё, и сам на себя за это рассердился. Раньше подобными пустяками его было не пронять, а теперь сердце колыхнулось в тревоге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihalevich_prot-savva/ot-sokrovisch-moih

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)